

Библейскій профетизмъ и языческая мантика.

I.

Весь современный споръ вѣры съ невѣріемъ, религіи съ ея отрицаніемъ, поскольку онъ ведется на почвѣ данныхъ Библии, можетъ быть, въ концѣ концовъ, сведенъ къ двумъ главнымъ пунктамъ—къ вопросу о взаимоотношеніи Библии и ориентологіи, и къ вопросу о происхожденіи древне-еврейскаго профетизма. Подъ первымъ изъ этихъ вопросовъ мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, пресловутый споръ о *Bibel und Babel*, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поднятый въ Германіи Деличемъ и подѣлившій всѣхъ ученыхъ ориентологовъ и библеистовъ на два враждующихъ лагеря. А подъ вторымъ изъ нихъ имѣемъ въ виду господствующее въ современной библейско-критической школѣ эволюціонное объясненіе происхожденія возвышенной монотеистической религіи евреевъ и всей, вообще, ветхозавѣтной библейской исторіи.

Оба только что указанныхъ взгляда довольно популярны въ современной западной литературѣ и считаются тамъ чуть ли не послѣднимъ словомъ библейско-исторической науки. И однако, при всемъ радикализмѣ этихъ взглядовъ, на западѣ они не представляютъ изъ себя особенной опасности для ортодоксальной точки зрѣнія на Библию, такъ какъ они встрѣчаютъ тамъ себѣ самый серьезный отпоръ въ солидныхъ работахъ ученыхъ другаго направленія, которыя, напр. данными ориентологіи пользуются совершенно иначе—не для ниспроверженія авторитета Библии, а для большаго его утвержденія.

Къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать того-же самаго про нашу библейско-историческую литературу. Въ нее за послѣд-

ние годы немало проникло различныхъ переводныхъ сочиненій, почти исключительно рѣзко-отрицательнаго направленія, изданныхъ хотя въ плохихъ, но за то и въ дешевыхъ переводахъ, нерѣдко съ довольно кричащими, рекламными заголовками. Книгоиздательство „Мысль“, „Логосъ“, фирма Н. Глаголева и др. выпустили цѣлую массу подобныхъ переводовъ: они дали и полное собраніе сочиненій Ренана и Штрауса, и наиболѣе отрицательные труды Сендерленда, Гарнака, Фейтербаха, Геккеля и многихъ другихъ авторовъ, прямо или косвенно ниспровергающихъ нашу старую библейскую вѣру и ея вѣковые устои. Съ начала прошедшаго 1908 г. возникло даже особое специальное книгоиздательство, характеръ и задачи котораго вполне ясно опредѣляются самымъ его именемъ: „Религія и церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики“. Оно успѣло сдѣлать уже около десятка выпусковъ различныхъ переводныхъ сочиненій и своеобразныхъ компиляцій, среди которыхъ попадаются и такія, которыя имѣютъ прямое и ближайшее отношеніе къ библейской исторіи, какъ напр. вып. II. „Изъ исторіи ранняго христіанства“, сборникъ статей *Гарнака*, *Ю. Велльгаузена*, *А. Юлихера*, или вып. IV. *Р. Кнопфъ* „Происхожденіе и развитіе христіанскихъ вѣрованій въ загробную жизнь; или вып. VI *Гольманъ* „Религія Іудеевъ въ эпоху Иисуса“, вып. VII *Н. Никольскій* „Царь Давидъ и Псалмы“.

Наконецъ и пресловутый споръ о *Bibel und Babel*, такъ сильно взволновавшій ученые круги Запада, въ нашей свѣтски образованной публикѣ извѣстенъ въ одностороннемъ освѣщеніи, именно, почти исключительно по переводамъ статей и трудовъ ученыхъ отрицательнаго исправленія, тогда какъ огромная апологетическая литература, базирующаяся на почвѣ данныхъ той-же оріентологіи, до сихъ поръ остается въ тѣни и извѣстна только сравнительно небольшому и замкнутому кругу академическихъ богослововъ¹⁾. Изъ всего

¹⁾ Апологетическое освѣщеніе давнихъ оріентологіи, кромѣ двухъ извѣстныхъ, обширныхъ курсовъ („Библейской исторіи“ *Лопухина* и „Руководства къ изученію Библии“ *Вигуру*, въ переводѣ свящ. Воронцова), мы имѣемъ еще въ диссертациі іеромон. (теперь архіепископа) *Платона* „Древній Востокъ при свѣтѣ Божественнаго откровенія“ Киевъ 1898 г., въ трудахъ проф. *С. С. Глаголева* „Сверхъестественное откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви“ 1900 г. „Очерки по исторіи религіи,

сказаннаго мы въ правѣ сдѣлать тотъ выводъ, что во первыхъ, и въ нашемъ свѣтски образованномъ обществѣ пробудился довольно живой и широкой интересъ къ религиознымъ вопросамъ и въ частности, къ библейско-историческимъ, и во вторыхъ, что этотъ интересъ удовлетворяется слишкомъ одностороннимъ и не всегда доброкачественнымъ продуктомъ.

Такое положеніе дѣла предъявляетъ совершенно новыя задачи и академической постановкѣ наукъ библейской исторіи. Если до сихъ поръ специальнымъ задачамъ высшаго богословскаго образованія удовлетворяла простая положительная постановка этого курса, состоявшая почти исключительно во внѣшней передачѣ фактовъ библейской исторіи, соединенной съ большой или меньшей степенью ихъ внутренняго анализа и систематизаціи заключающагося въ нихъ религиозно-моральнаго ученія, то теперь, въ виду новыхъ запросовъ времени, такая постановка дѣла оказывается далеко недостигающей своей цѣли. Пожалуй, впрочемъ, ее можно признать достаточной и теперь, но съ большимъ ограниченіемъ, именно, достаточной для людей глубоко вѣрующихъ и преклоняющихся передъ священнымъ авторитетомъ самого текста Библии, для которыхъ каждое написанное въ ней слово свято само по себѣ и не допускаетъ никакихъ сомнѣній, а тѣмъ болѣе, возраженій. Но для такихъ глубоко и сильно вѣрующихъ людей, быть можетъ, и вовсе не нужно никакой библейской исторіи, равно какъ никакого ни апологетическаго, ни догматическаго, ни нравственнаго богословія; для нихъ совершенно достаточно простаго изъяснительнаго чтенія самой Библии, съ соответствующими историческими справками и моральными назиданіями.

Но такихъ наивно-простодушныхъ простецовъ по вѣрѣ становится все меньше и меньше. Огромныя-же массы людей, не только изъ числа тѣхъ, которые затронуты ядомъ невѣрія и скептицизма, но даже и тѣ, кто желалъ-бы сохранить вѣру, уже неудовлетворяются простой наивной вѣрой,

ч. I Религія древнѣйшихъ культурныхъ народовъ“ 1902 г. Проф. С. Песоцкаго. „Повѣствованіе ассиро-вавилонскихъ клинообразныхъ таблицъ о твореніи міра“. Тр. Кіев. Дух. Ак. 1901 г. Октябрь. Проф. А. Покровскаго „Библейское ученіе о первобытной религіи“ Сер. Пос. 1901 г. и въ специальномъ сборникѣ „Библия и Вавилонъ“, изданномъ ред. журн. Страникъ въ 1904 г.

но хотятъ прояснить и углубить ее свѣтомъ разумаго сознанія. Вотъ, для всѣхъ этихъ-то людей и нужна теперь новая, совершенно иная постановка библейской исторіи, которая на первый планъ выдвигала-бы широко и правильно понятый полемико-апологетическій интересъ, т. е. мужественно шла-бы навстрѣчу всѣмъ современнымъ возраженіямъ и нападкамъ на старыя библейскія позиціи.

Къ сожалѣнію, наше академическое богословіе, частью, быть можетъ, и по собственной винѣ, а еще больше по причинамъ отъ него независящимъ, довольно глухо къ нуждамъ и запросамъ времени и слабо отзывается на нихъ. Упрекъ нашему богословію въ отсталости, безжизненности, схоластичности и отвлеченной сухости сталъ какимъ-то общимъ мѣстомъ въ устахъ свѣтскихъ людей. Да его не рѣдкость слышать или читать и у нашихъ наиболѣе образованныхъ и чуткихъ духовныхъ писателей. Сильную и небезосновательную жалобу на все это недавно мы читали даже въ спеціальной статьѣ одного изъ академическихъ ревизоровъ, гдѣ вмѣстѣ съ указаніемъ на вышеуказанное типическіе недостатки академическаго богословія, дѣлается энергичный призывъ къ его обновленію и освѣженію, въ духѣ нужды и запросовъ времени ¹⁾.

Въ частности, по каедрѣ библейской исторіи такое освѣженіе всей постановки курса должно выразиться, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, въ томъ, чтобы выдвинуть на первый планъ и сосредоточить преимущественное вниманіе, именно, на тѣхъ вопросахъ, которые являются наиболѣе пререкаемыми въ нашей наукѣ и служатъ въ настоящее время главнымъ предметомъ научныхъ дебатовъ *за* и *противъ* библейскаго авторитета. А такими вопросами, какъ мы старались показать это выше, и являются вопросы оріентологіи, съ одной стороны, и возраженія библейско-отрицательной критики, съ другой. Вотъ почему и всѣ лучшіе труды западной библейско-исторической литературы, не говоря уже о протестантскихъ, но даже и католическіе, обычно имѣютъ теперь такую окраску, на фонѣ которой та или иная постановка оріентологической проблемы и вопросовъ библей-

¹⁾ Разумѣемъ здѣсь докладную записку Высокопреосвященнаго Антонія (Храповицкаго), прочитанную имъ въ засѣданіи комиссіи по преобразованію Духовныхъ Академій.

ской критики стоять въ центрѣ всего и кладутъ соотвѣтствующій отпечатокъ на весь курсъ. И это, повторяемъ, слѣдуетъ сказать не только про труды протестантскаго богословія, съ его рационалистическими тенденціями, но и про труды католическихъ ученыхъ, которыхъ мы не имѣемъ права упрекнуть въ недостаткѣ апологетическаго усердія. Но во имя этой-то апологіи дорогихъ твердынь положительнаго богословія всѣ современные западные защитники библейскаго авторитета считаютъ безусловно необходимымъ для себя какъ полемику съ выводами библейской критики, такъ и твердую опору въ данныхъ ориентологии. Достаточно въ этомъ отношеніи указать хотя бы на многочисленныя и солидныя работы почтеннаго французскаго аббата Vigouroux, который выпустилъ даже двѣ особыхъ серіи трудовъ по этимъ назрѣвшимъ вопросамъ времени: одинъ четырехтомный трудъ посвященъ специальной полемикѣ съ библейскимъ рационализмомъ—„Les livres saints et la critique rationaliste“ I—IV; намъ извѣстенъ онъ уже въ 3-емъ изданіи 1890—2 г. Другой, не менѣе обширный трудъ того-же автора посвященъ специальному обзору и апологетической обработкѣ данныхъ ориентологии, это—цѣнное его сочиненіе „La Bible et les decouvertes modernes en Palestine, en Egypte et en Assyrie“ I—IV, извѣстно намъ уже въ шестомъ изданіи 1895—96. Въ тѣсной связи съ ними по общему характеру и духу стоитъ и другой монументальный трудъ, начатый подъ главной редакціей Vigouroux и теперь продолжаемый въ томъ же направленіи его ближайшими сотрудниками—это многотомный „Dictionnaire de la Bible“—лучшій изъ современныхъ библейскихъ словарей, по полнотѣ собраннаго матеріала и научной широтѣ его освѣщенія, при полной вѣрности основнымъ началамъ ортодоксіи. Приблизительно въ томъ же направленіи написаны и новѣйшіе библейскіе труды англійскихъ и американскихъ богослововъ, какъ, напр., шеститомный трудъ Geikie „Hours with the Bible“ I—IV и цѣлая серія библейско-апологетическихъ работъ, объединенная подъ общимъ заголовкомъ „Men of the Bible“ I—IV в. У насъ въ Россіи наиболѣе полнымъ и типичнымъ выраженіемъ этого новаго библейско-ориенталистическаго направленія является капитальный трудъ покойнаго профессора А. П. Лопухина „Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и от-

крытій“ въ двухъ большихъ томахъ, по тысячу страницъ въ каждомъ, со множествомъ картъ, политипажей и различныхъ снимковъ. При всей компилятивности этого труда и его непосредственной зависимости, какъ отъ только что названныхъ работъ, такъ и отъ нѣсколькихъ другихъ аналогичныхъ съ ними (Lenormant, Stanley, Edersheim etc.), трудъ проф. Лопухина довольно правильно отображаетъ господствующее теченіе новѣйшей библейско-исторической науки и является пока лучшимъ по полнотѣ и свѣжести матеріала изъ всѣхъ русскихъ трудовъ въ области этой спеціальности. Такъ что мы съ полнымъ убѣжденіемъ и правомъ можемъ еще разъ заявить, что все новое, наиболѣе свѣжее и живое въ библейской литературѣ, что идетъ навстрѣчу запросамъ времени и пытается ихъ удовлетворить—все это стоитъ, главнымъ образомъ, подъ знаменемъ ориентологіи и на ея почвѣ ведетъ упорную борьбу съ предвзятыми, эволюціонными гипотезами библейско-критической школы. Особенно посчастливилось за послѣднюю четверть вѣка работамъ чистаго ориенталистическаго типа, въ которыхъ, благодаря новизнѣ и документальности матеріала, дано такъ много благодарной пищи для библейско-апологетическихъ построеній.

Далеко нельзя сказать того-же самаго про работы смѣшаннаго, ориенталистическо-полемическаго типа, въ особенности, съ преобладающимъ критическимъ характеромъ. Ихъ гораздо меньше, такъ какъ онѣ гораздо сложнѣе и труднѣе, требуютъ лучшей филологической и экзегетической подготовки, и въ то же время не могутъ дать столь безспорныхъ, столь осязательныхъ результатовъ, какъ чисто ориенталистическія работы. И однако работы подобнаго типа крайне важны и необходимы, потому что тотъ врагъ, съ которымъ онѣ имѣютъ дѣло, является особенно опаснымъ, такъ какъ онъ нерѣдко прекрасно вооруженъ знаніемъ семитической филологіи и библейскаго текста. Удары библейской отрицательной критики направлены въ самый центръ библейско-ортодоксальнаго міровоззрѣнія и мы не въ правѣ ихъ замалчивать и обходить; наоборотъ, мы должны вступать съ ними въ энергичную борьбу и по возможности бить своихъ противниковъ ихъ-же собственнымъ оружіемъ, т. е. болѣе широкимъ и правильнымъ освѣщеніемъ библейскаго текста, ведущимся на почвѣ сравнительнаго изученія исторіи, религіи и языка

древняго семитическаго Востока, подкрѣпляемаго соответствующими справками изъ области новѣйшей оріентологіи.

На одномъ изъ такихъ, жестоко пререкаемыхъ въ современной библейско-критической школѣ вопросовъ, мы и думаемъ остановиться въ настоящей своей статьѣ, именно, на вопросѣ о библейскомъ профетизмѣ. Послѣдній, по взгляду представителей этой школы, вышелъ будто-бы изъ языческой мантики и прошелъ обычный, чисто естественный путь эволюціоннаго развитія, исключаящій всякій сверхъестественный, супранатуральный элементъ. Это, разумѣется, въ корнѣхъ ниспровергаетъ ортодоксальное пониманіе библейскаго пророчества, согласно которому библейскій профетизмъ это—самый дорогой и завѣтный пунктъ всей исторіи и религіи Израиля, ихъ сущность и душа, что мы раньше и раскрыли подробно въ особой специальной статьѣ ¹⁾.

Правда, и по взгляду отрицательной критики библейскій профетизмъ это—кульминаціонный пунктъ развитія еврейской исторіи, это—высшая ступень эволюціоннаго прогресса, до которой дошло развитіе религіи Израиля. Даже больше того. Пророчество, по мнѣнію адептовъ этой школы, не только вершина развитія, но вмѣстѣ и ея фундаментъ: служеніе пророковъ и есть, именно, та творческая сила, которая очистила и просвѣтила, какъ-бы создала возвышенную моральную религію Израиля, обработавъ ее, путемъ довольно длиннаго и сложнаго процесса, изъ грубыхъ формъ древнѣйшаго политеизма.

Кромѣ всего этого, еврейскіе пророки, по мнѣнію библейско-критической школы, имѣютъ для насъ огромную важность еще и потому, что въ сущности, именно они были главными, почти единственными творцами священной библейской литературы. Пророки написали почти всѣ книги Ветхаго Завѣта; слѣдовательно, отъ нихъ мы знаемъ и самую исторію Еврейскаго народа, которая прошла черезъ ихъ руки и сквозь призму ихъ субъективнаго міровоззрѣнія. Отсюда, и по взгляду отрицательной критики, пророки—самыя крупныя, центральныя фигуры во всей исторіи библейскаго Израиля, такъ что здѣсь почти нѣтъ никакой разницы между ортодоксальной и критической точкой зрѣнія, а если какая и есть, то развѣ лишь въ формѣ нѣкотораго преуве-

¹⁾ „Ветхозавѣтный профетизмъ, какъ основная типическая черта библейской исторіи Израиля“. *Богословскій Вѣстникъ*, Апрель 1908 г.

личенія роли библейскаго профетизма, замѣчаемаго въ критической школѣ.

Но сходясь въ общей, заключительной оцѣнкѣ библейскаго профетизма, точнѣе, въ опредѣленіи того исключительно важнаго и отвѣтственнаго служенія, какое онъ несъ въ исторіи ветхозавѣтнаго Израила, библейская ортодоксія и библейской раціонализмъ рѣзко расходятся въ объясненіи самаго происхожденія этого института. Съ точки зрѣнія ортодоксальнаго пониманія, пророки это—особые, чрезвычайные органы божественной воли, это—Божиіи человѣки, говорившіе по внушенію Св. Духа. По взгляду-же отрицательной критики, это—обыкновенные, смертные люди, лишь развившіеся, благодаря цѣлому ряду естественныхъ, историческихъ причинъ, до высшихъ ступеней умственной и религіозно-моральной культуры. Частнѣе, библейскій профетизмъ, по мнѣнію ученыхъ критической школы, это—ничто иное, какъ своеобразный, эволюціонный продуктъ языческой мантики: оба они, т. е. какъ профетизмъ, такъ и мантика, одной природы, вышли изъ одного и того-же, чисто-языческаго корня; но они имѣли различную историческую судьбу: первый, т. е. библейскій профетизмъ, сначала едва замѣтно отколовшись отъ политеистическаго корня, съ теченіемъ времени все дальше и дальше уходилъ отъ него, пока, наконецъ, не превратился въ діаметральную противоположность ему, т. е. не достигъ высотъ, такъ называемаго, „этического монотеизма“. Второй же продуктъ политеистическаго натурализма,—языческая мантика совершила обратную эволюцію, т. е. она все больше и глубже погружалась въ стихіи языческаго политеизма, развивая все новыя и новыя формы мантическаго института. Такимъ образомъ, хотя различная историческая эволюція библейскаго профетизма и языческой мантики, и довела ихъ до полной противоположности другъ другу, но въ первичныхъ своихъ истокахъ они, какъ думаетъ раціоналистическая критика, вышли изъ одного общаго русла, имѣютъ одну и ту-же, именно, чисто языческую природу.

Ясно, что при такомъ взглядѣ на дѣло, получается рѣзкая разница и въ оцѣнкѣ произведеній библейскаго профетизма. Если все это — лишь продуктъ естественной языческой эволюціи, то какъ-бы мы на словахъ его высоко не цѣнили, на дѣлѣ-же какъ самъ профетизмъ, такъ и всѣ произведе-

нія его творчества (библейская литература и вся ветхозавѣтная религія), теряють всякую цѣну: все это будутъ лишь обычныя человѣческія измышленія, имѣющія условный и временный характеръ и ни для кого не обязательный, преходящій авторитетъ.

Совсѣмъ иное дѣло, если мы, согласно ортодоксальному воззрѣнію, признаемъ за библейскимъ профетизмомъ высшее, сверхъестественное происхождение. Тогда и всѣ его произведенія какъ историческаго, такъ и религіозно-моральнаго характера, пріобрѣтаютъ также особенное значеніе и цѣну: это уже будутъ не простыя слова обыкновенныхъ, хотя-бы даже и гениальныхъ людей, но откровеніе Самаго Бога, глаголы вѣчной жизни, возвѣщенные человѣчеству чрезъ посредство особыхъ полномочныхъ органовъ Божественной воли, воздвигаемыхъ Богомъ въ лицѣ пророковъ. Слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи библейскаго профетизма, его характеръ и природѣ, является, въ концѣ концовъ, важнѣйшимъ, рѣшающимъ вопросомъ всей библейской исторіи. Неудивительно, что онъ послужилъ главнымъ средоточіемъ ударовъ библейской рационалистической критики. Ясно, что и мы, въ виду всего этого, должны сосредоточить на немъ свое особое вниманіе, чтобы отстоять и сохранить этотъ главный оплотъ ортодоксальнаго пониманія ветхозавѣтной религіи и всей библейской исторіи.

II.

Всѣ рационалистическія попытки отождествить библейскій профетизмъ съ языческой мантикой могутъ быть раздѣлены на *два главныхъ группы*: однѣ пытаются провести параллель между языческими и еврейскими формами профетизма и такимъ путемъ всецѣло ихъ отождествить. Другія, эту общность происхожденія ихъ обоихъ усматриваютъ лишь въ начальныхъ стадіяхъ развитія библейскаго профетизма и охотно допускаютъ ея уменьшеніе, а затѣмъ и полное исчезновеніе, по мѣрѣ постепеннаго очищенія и просвѣтленія еврейскаго профетизма, подъ вліяніемъ монотеистическихъ тенденцій.

Первая группа критическихъ ударовъ, несмотря на ее болѣе рѣшительный характеръ, въ сущности почти совершенно безвредна, вслѣдствіе очевидной слабости ея аргументаціи. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ тѣ формы и виды ветхозавѣтнаго профетизма, о которыхъ намъ говоритъ Биб-

лія, въ современномъ ея видѣ, и сравнимъ ихъ съ формами, древне-вавилонской магіи или позднѣйшей греческой маіики, то мы найдемъ между ними гораздо больше отношенія взаимной противоположности, чѣмъ сходства.

Библейскій профетизмъ и языческая теургія и маіика противоположны, прежде всего, по ихъ основаніяхъ и дѣлямъ. Такъ, пророчество всецѣло основывается на непосредственномъ откровеніи воли Божіей особымъ, избраннымъ Имъ людямъ: Божество, здѣсь не только источникъ откровенія, но и его виновникъ или инициаторъ. Въ язычествѣ совершенно иначе: тамъ инициатива откровенія принадлежитъ человѣку, который самъ обращается къ оракулу и вынуждаетъ его на такой или иной отвѣтъ себѣ. Здѣсь, слѣдовательно, не Богъ выбираетъ себѣ достойнаго человѣка, какъ органа своей откровенной воли, а наоборотъ, человѣкъ выбираетъ себѣ тотъ или другой, наиболѣе благопріятствующій ему оракулъ.

Далѣе, въ библейскомъ профетизмѣ мы находимъ ясную и опредѣленную, по большей части, словесную форму откровенія. Въ языческой же маіикѣ почти все дѣло основано или на темномъ предчувствіи и двусмысленныхъ фразахъ, или на субъективномъ и болѣе или менѣе произвольномъ толкованіи различныхъ натуралистическихъ феноменовъ.

Библейскіе пророки, хотя и „чувствовали на себѣ руку Господню“ въ моментъ пророческаго озаренія, но никогда не теряли своей личности; ихъ собственное сознаніе и воля не уничтожались и не подавлялись, а возводились лишь на высшую степень совершенства, получали особенную ясность и силу. Совершенно наоборотъ было въ язычествѣ, гдѣ „вдохновеніе“ прорицателя достигалось путемъ искусственныхъ приемовъ и даже одурманивающихъ средствъ, такъ что оно переходило въ явно-патологическое состояніе.

Ветхозавѣтные пророки—лучшіе люди націи, ея самоотверженные герои и вожди: они безкорыстные служители народныхъ интересовъ и безстрашные борцы за общественное благо противъ деспотизма царей и эгоизма богачей. Полную противоположность имъ представляютъ языческіе жрецы—они хитрые придворные интриганы или низкіе рабы и льстецы передъ властью, и одновременно, жадные и корыстолюбивые эксплуататоры бѣдной и темной народной массы, которая имѣла несчастье слѣпо довѣряться имъ.

Въ языческой мантикѣ живая личность прорицателя почти не играетъ никакой роли и поэтому, обыкновенно, стоитъ совершенно въ тѣни и остается никому неизвѣстной. Въ библейскомъ-же профетизмѣ — личность самого пророка—это все: онъ живой центръ пророчества, которое тогда только и получаетъ свою силу, когда соединяется съ именемъ авторитетнаго и популярнаго пророка.

Правда, нѣсколько подобныхъ именъ сохранила намъ и античная древность, которая съ высокимъ уваженіемъ упоминаетъ, напр. провидцевъ: Терсея, Калхаса, Полидама, Амфиароса, Геркулеса и приписываетъ имъ цѣлый рядъ чудесныхъ дѣйствій. Но это далеко не то, что ветхо завѣтные пророки: всѣ эти легендарные классическіе герои дѣйствуютъ совершенно самостоятельно и независимо отъ какой-либо высшей посторонней силы: они сами полубоги и творятъ все собственной, удивительной силой. Библейскіе-же пророки ничего не говорятъ и не дѣлаютъ отъ себя, а все совершаютъ во имя Божіе, отъ лица пославшаго ихъ Іеговы. И затѣмъ, всѣ античные герои классическіе древности носятъ явно выраженный легендарно-миѳологическій характеръ; почему они и отодвигаются вглубь до историческихъ временъ, вовсе исчезая съ началомъ дѣйствительной исторіи. Библейскіе-же пророки выступаютъ на сцену сравнительно поздно и являются опредѣленными историческими персонажами. Они дѣйствуютъ, преимущественно, въ періодъ наивысшаго разцвѣта политической жизни еврейскаго народа; до этого ихъ дѣятельность едва замѣтна, а послѣ этого—и вовсе прекращается.

Языческая мантика будучи пріурочена, обыкновенно къ опредѣленному мѣсту и сопровождаясь извѣстными внѣшними дѣйствіями, имѣла даже скорѣе политическое, чѣмъ религіозное значеніе. Ветхозавѣтный же профетизмъ, какъ показываетъ вся библейская исторія, былъ безусловно чуждъ всѣхъ условій языческой дивинаціи: ни мѣсто, ни время, ни поль, никакія либо искусственныя мѣры здѣсь роли не играли, — и самое пророчество здѣсь всегда преслѣдовало какія-либо ясно выраженные, непремѣнно религіозно-нравственныя цѣли: очищеніе религіи, исправленіе нравовъ, обличеніе различныхъ злоупотребленій, предсказаніе грядущихъ

за нихъ бѣдствій и картины будущей мессіанской эпохи— вотъ основныя пророческія темы.

Однимъ словомъ, какую-бы сторону библейскаго профетизма мы не взяли, она почти всегда является полною антитезой соотвѣтствующей стороны въ языческой мантикѣ. Такъ что говорить, послѣ всего этого, объ ихъ аналогіи и параллелизмѣ, можно только по глубокому недоразумѣнію.

Въ настоящее время этотъ грубый критическій приѣмъ уже почти оставленъ: онъ находитъ своихъ рѣдкихъ защитниковъ только въ средѣ тѣхъ рационалистовъ, которые совершенно незнакомы съ Библіей и судятъ объ ея содержаніи по наслышкѣ, апріорно, по схемѣ общихъ эволюціонистическихъ шаблоновъ.

Научная-же библейская критика, которой далеко нельзя отказать въ серьезномъ знакомствѣ съ Библіей, стыдится уже прибѣгать къ такимъ грубымъ полемическимъ приѣмамъ и даже сама утверждаетъ, что типичныя формы библейскаго профетизма рѣзко отличаются отъ характеристичныхъ чертъ языческой мантики и доходятъ, подѣ конецъ, даже до полнаго контраста съ ними.

Однако и новѣйшая отрицательная критика не совсѣмъ бросила это притупившееся оружіе: она только отточила его, сдѣлала болѣе тонкимъ и легкимъ и потому гораздо болѣе опаснымъ. Существенная поправка, внесеная въ этотъ критическій аргументъ представителями научнаго библейскаго богословія, состоитъ въ томъ, что она моментъ аналогіи и даже полна сходства профетизма съ мантикой не распространяетъ на всю исторію того и другаго—въ чемъ состояла главная ошибка прежнихъ отрицателей,—а ограничиваетъ его рамками одного начальнаго, древнѣйшаго періода библейской исторіи, уходящаго своими корнями въ глубину языческой, доисторической древности, когда спеціальная израильская исторія ничѣмъ особеннымъ еще не выдѣлялась будто-бы изъ обще-семитической.

Они не витаютъ, подобно старымъ рационалистамъ, въ области однихъ сомнительныхъ гипотезъ и общихъ эволюціонистическихъ схемъ, а стоятъ на твердой почвѣ израильской исторіи и библейскаго текста, изъ филологическаго анализа котораго они и извлекаютъ большинство критическихъ аргументовъ. Въ виду всего этого, данный взглядъ

приобрѣтаетъ для насъ особенную важность и заслуживаетъ подробнаго историко-критическаго изложенія и разбора.

Обстоятельнѣе и полнѣе всего этотъ взглядъ развитъ Sigmund'омъ Maubach'омъ въ его серьезной и оригинальной монографіи: „Die Entwicklung des israelitischen Prophetenthums, съ аргументаціей которой мы и познакомимся. Свою общую точку зрѣнія на предметъ Maubach достаточна ясно раскрываетъ уже во введеніи къ своей книгѣ. „Важнѣйшій и значительнѣйшій институтъ израильской древности—говоритъ онъ—безспорно пророчество, и хотя каждый народъ древности имѣлъ своихъ пророковъ, однако можно сказать, что и по существу и по цѣлямъ израильскій пророчество скорѣй лежитъ въ некоторой разграничительной чертѣ между израилями и язычествомъ“. Впрочемъ, когда такъ сравниваютъ и говорятъ, то, обыкновенно, имѣютъ въ виду пророчество классическаго періода библейской исторіи, начиная съ эпохи Амоса, когда онъ уже, дѣйствительно, не имѣлъ почти ничего общаго съ языческой мантикой. Но при этомъ упускаютъ изъ виду раннѣйшія, начальныя стадіи библ. пророчества когда онъ отнюдь не стоялъ на столь высокой ступени развитія, на какую онъ поднялся начиная съ эпохи пр. Амоса и даже еще нѣсколько раньше его.

„Многіе думаютъ, — продолжаетъ Maubach что и по началу или происхожденію своему, ветхозавѣтное пророчество представляетъ собой нѣчто исключительное и ни съ чѣмъ несравнимое. Но это—глубокое заблужденіе, коренящееся въ томъ еще непрепобѣжденномъ предразсудкѣ, что мы начальныя моменты библейскаго пророчества все еще склонны видѣть въ пятокнижій, забывая, или упуская изъ виду, что оно само есть продуктъ пророчества—именно его значительно позднѣйшей, уже очищенной формы. Не надо забывать — поучаетъ насъ Mab., что вся библейская литература (въ томъ числѣ, разумѣется, и пятокнижіе и всѣ книги историческія), есть произведеніе позднѣйшихъ пророческихъ писателей, которымъ уже не было извѣстно самое происхожденіе пророчества и его первоначальныя судьбы, или, что менѣе вѣроятно, которыя сознательно оборвали нить пророчества, именно, тамъ, гдѣ она подходила къ своему исходному пункту, т. е. языческимъ формамъ“. На

самомъ же дѣлѣ, по мнѣнію ученаго критика, израильскій профетизмъ, хотя и имѣеть своеобразную исторію развитія, но онъ выходитъ изъ общихъ съ язычествомъ началъ. И чѣмъ глубже опускаемся мы на дно израильской исторіи, тѣмъ многочисленнѣе и яснѣе выступаютъ передъ нами родственныя черты сходства древнѣйшихъ формъ библейскаго профетизма съ различными видами языческой мантики.

Тотъ антагонизмъ, который мы встрѣчаемъ чуть не на каждой страницѣ Библии въ отношеніи къ разнообразнымъ формамъ языческой мантики, рѣшительно ни о чемъ особенномъ будто-бы не говоритъ: онъ легко можетъ быть объясненъ какъ позднѣйшая искусственная интерполяція исторіи, отмѣчающая понятную психологическую реакцію въ самомъ профетизмѣ, для котораго было неприятно уже одно упоминаніе о такомъ подозрительномъ родствѣ. Общеизвѣстна та истина, что самые злые и заклятые враги кого-бы и чего-бы то ни было, обыкновенно выходятъ изъ числа ренегатовъ. А библейскій профетизмъ, по мнѣнію Maubault'a, и былъ именно, такимъ типичнымъ ренегатствомъ по отношенію къ языческой мантикѣ.

Несмотря на всѣ свои старанія, онъ не могъ однако изгладить всѣхъ слѣдовъ древности и окончательно порвать связи съ язычествомъ; поэтому даже и въ позднѣйшихъ формахъ библ. профетизма наблюдаются будто-бы нѣкоторыя атавистическіе отголоски, отъ которыхъ онъ не могъ всецѣло освободиться. Что-же касается древнѣйшей исторіи пророчества, то тамъ эти связующія нити становятся все замѣтнѣе и яснѣе, по мѣрѣ того, какъ мы мысленно будемъ проникать въ глубь израильской исторіи. Задача историка библеиста и состоитъ, именно, въ томъ, чтобы подъ позднѣйшей библейской профетической личиной вскрыть ея первоначальную, древнѣйшую форму, и такимъ путемъ изъ различныхъ частныхъ, случайныхъ и разбросанныхъ указаній, составить, болѣе или менѣе, цѣлостное и опредѣленное представленіе о тѣхъ архаическихъ формахъ библейскаго профетизма, въ которыхъ выражалось его несомнѣнное родство съ языческимъ прорицаніемъ.

Методологическимъ путемъ для достиженія этой цѣли Maub. избираетъ, съ одной стороны, историко-филологическій анализъ различныхъ библейскихъ терминовъ, имѣю-

щихъ непосредственное отношеніе къ тѣмъ или инымъ видамъ языческой мантики, а съ другой—библ. характеристику такъ наз. „ложныхъ пророковъ“, въ которыхъ онъ видитъ представителей раннѣйшаго, болѣе чистаго и подлиннаго типа древне-израильскаго профетизма.

По взгляду Maub. и его школы, древне израильскій профетизмъ первоначально состоялъ въ тавматургии и прорицаніи и всецѣло сливался съ жеречествомъ или священствомъ. Каждый „жрецъ“—*kohen*—извѣстной „высоты“—*banha* соединялъ въ своемъ лицѣ достоинство жреца и прорицателя. Позднѣе, между жрецами одной и той же „высоты“ произошло нѣкоторое добровольное раздѣленіе труда: одни—преимущественно занялись жертвеннымъ культомъ и относящимся къ нему ритуаломъ, другіе—всецѣло посвятили себя искусству предсказанія и стали чрезъ то въ положеніе учителей и увѣщателей народа, не разрывая, однако, своихъ связей и съ жречествомъ.

Въ жрецахъ второго типа и намѣчался первый проблескъ будущаго самостоятельнаго профетизма. Но онъ долго не обособлялся отъ перваго типа: это былъ такой-же обыкновенный жрецъ, но только специализировавшійся въ области предсказаній. Maubachъ находитъ слѣды этого типа и въ Библии, въ эпитетѣ *נִבְיָאֵם וְשֹׁפְטִים*, который въ кн. Судей (XIII, 6. 8) и I Цар. II, 26 служитъ древнѣйшимъ обозначеніемъ пророка какъ „мужа Божія“. Въ другихъ мѣстахъ Библии эпитетъ этотъ безразлично прилагается къ левиту, жрецу и пророку, откуда будто-бы слѣдуетъ, что пророчество сначала еще не индивидуализировалось и не обособлялось отъ священства.

Со стороны своей дѣятельности древнѣйшій израильскій жрецъ—прорицатель характеризуется общимъ терминомъ *סֹפֵר* что значитъ буквально „разрѣшитель, раздѣлитель“. Онъ указываетъ, слѣдовательно, на прорицателя, какъ на человека, который изъ двухъ возможностей выбираетъ какую-либо одну и тѣмъ самымъ уничтожаетъ альтернативу, разрѣшаетъ колебаніе.

Средствомъ узнать въ такихъ случаяхъ волю Божью для жреца и вопрошателя, обыкновенно служили, какіе-либо внѣшніе знаки, по большей части вынутіе „жребія“. Характеристичное свидѣтельство этого рода дается въ XIV гл.

I кн. Ц.—41—42 ст., „и рече Саулъ, Господи Боже Израилевъ, что яко не отвѣщаль еси рабу твоему днесь; или моя есть, или сына моего Ионаана неправда: Господи Боже нашъ, даждь знаменіе... и рече Саулъ верзите жребій на мя и на Ионаана сына моего: его же объявитъ Господь, смертью да умреть... и паде на Ионаана жребій“.

Этотъ видъ гаданія по жребію—универсальный признакъ профетизма—по мнѣнію Wellhausen'a нашель себѣ яркое воплощеніе въ особомъ, довольно-загадочнымъ институтѣ древняго еврейства, извѣстнымъ подъ названіемъ „урима и туммима“. По объясненію Wellhausen'a—это ничто иное, какъ двѣ части альтернативы, *да и мѣтъ*, тоже своеобразный древнѣйшій оракуль, посредствомъ котораго гадали древне-еврейскіе жрецы.

Подобные виды гаданій и самый этотъ терминъ עֹרֵם въ древнѣйшихъ мѣстахъ Библии безразлично прилагается, какъ къ еврейскимъ, такъ и къ языческимъ формамъ прорицаній. Такъ, напр. въ VI гл. I кн. Царствъ онъ служилъ обозначеніемъ филистимскихъ „жрецовъ, волхвовъ и обаятелей, которыхъ народъ филистимскій созвалъ для совѣта, какъ ему поступить, чтобы избавитъ отъ бѣдствій, явившихся результатомъ плѣненія ковчега Божія.

Терминъ עֹרֵם служитъ по взгляду Мауб., общимъ и родовымъ обозначеніемъ древне-еврейскаго пророка, волхва и прорицателя.

Но еврейская древность несомнѣнно знала и болѣе частныя виды языческихъ волхвованій, какъ можемъ догадываться объ этомъ мы, основываясь на другихъ, болѣе спеціальныхъ терминахъ.

Такъ въ Библии неразъ встрѣчается нѣсколько загадочный терминъ—רֹעַם. Этимологія его довольно темна; LXX перевели его словами *κλυθονίζεσθαι*, что значитъ „прорицать по шуму деревьевъ или шелесту листьевъ“. Нашъ русскій переводъ соотвѣтствующее мѣсто изъ пр. Псаи, гдѣ употребленъ этотъ терминъ, передаетъ такъ: „ты оставилъ народъ свой, домъ Іакова, потомучто они полны чародѣйства и гаданья по облакамъ, какъ Филистимляне“ (Ис. II, 6 ст.). Самое же ясное указаніе на прорицаніе по шуму деревьевъ—наподобіе Дидонскаго оракула, находимъ въ исторіи Давида: „И вопроси Давида Господь... близъ дубравы плача. И бу-

детъ, аще услышиши гласъ шума отъ дубравы плача, тогда снидеси къ нимъ, яко тогда изведетъ Господь предъ тобою, събши на брани пноплеменники“ (II Цар. V, 24).

Самъ Маубаимъ—не безъ нѣкоторой правда, натяжки пытается объяснить это слово, какъ деривативъ отъ существительнаго מַבְּיָא указывающаго на „конкубинатъ“ (Исх. XXI, 11) и тѣмъ самымъ хочетъ поставить его въ связь съ культомъ Астарты или священной проституціи женъ, который будто-бы практиковался въ древнемъ еврействѣ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ библейскихъ намековъ (IV Цар. 23, 7 „и разруши храмъ Кадшимовъ домъ блудилищный—идѣже жены прядяху ризы кумиру“—Ос. IV, 14; Ез. 16, 16 и пр.).

Этотъ видъ религіознаго служенія легко могъ соединяться и съ культомъ священныхъ дубравъ или деревьевъ, какъ это видно изъ словъ пр. Осіи: „на версѣхъ горъ кадыху, и на холмѣхъ жряху подѣ дубомъ и подѣ елію и подѣ древомъ, древомъ вѣтственнымъ, яко добръ кровь, сего ради соблюдать дщери ваши и невѣсты ваши возлюбодѣйствуютъ“ (Ос. IV, 13).

Слѣдующій библ. терминъ, имѣющій отношеніе къ древне-еврейскому пророфіану—שִׁנְיָא, —думаетъ нашъ авторъ, вмѣстѣ съ авторитетными гебрайстами—Bochart и Wiener'омъ—происходить отъ существительнаго שִׁנְיָא, что значить „змѣя“ и слѣдовательно, указываетъ на волхвованія черезъ культъ священныхъ змѣй. Что такой культъ, по примѣру Египтянъ, широко практиковался въ Палестинѣ и Арамѣ, объ этомъ немало указаній въ Библии (Исх. VII, 11; Быт. XXX, 27; Числ. XXIV, 1). Но оттуда же оказывается, что онъ не безъ извѣстенъ былъ и древнему еврейству. Такъ, знаменія и чудеса со змѣями фигурируютъ еще въ исторіи исхода Евреевъ изъ Египта, причемъ активную роль играютъ здѣсь Моисей и Ааронъ, т. е. „вождь и первосвященникъ“ Еврейскаго народа (Исх. IV, 4. 30; VII, 9—14). Въ особенности-же соблазнительнымъ является извѣстный „мѣдный змій“, котораго повѣсилъ Моисей въ пустынѣ, въ качествѣ чудеснаго, избавляющаго отъ смерти средства (Числ. XXI); и только во дни царя Езекии былъ уничтоженъ культъ этого змія, какъ заключалъ Мауб. изъ слѣдующ. словъ XVIII гл. IV кв. Ц: „той разгроми высокая и сокруши капище, и искорени ду-

бравы, и змію мѣдяну, юже сотвори Моисей, яко и до дней тѣхъ сынови Израилевы бяху кадыше ей“.

Существовали въ древнемъ Еврействѣ, какъ думаетъ нашъ авторъ, и болѣе грубыя формы гаданій, чрезъ посредство священныхъ фетишей, т. е. „беломантія“ и „рабдомантія“, т. е. прорицаніе при помощи особыхъ священныхъ колоннъ или столбовъ и чудесныхъ жезловъ. Въ качествѣ библейскихъ указаній на это, М. приводитъ тѣ мѣста текста, гдѣ говорится о священныхъ камняхъ и столбахъ, о гаданіяхъ посредствомъ стрѣль и лука (IV Цар. XIII, 15—19), о прозябшемъ жезлѣ Аарона и слова пр. Осіи: „въ знаменіяхъ вопрошаху и въ жезлѣхъ своихъ повѣдаху“ (Ос. IV, 12).

Особенно будто-бы развиты были среди Евреевъ, какъ и среди всѣхъ, вообще, кочевыхъ народовъ древняго Востока, гаданія астрологическаго характера, по теченію небесныхъ свѣтилъ, по движеніямъ солнца, луны и облаковъ. Для этого вида мантики существовалъ даже и специальный терминъ קַבָּלָה קַבָּלָה , указывающій на гаданія сидерическо-астрономическаго происхожденія. На широкую практику этого культа указываетъ уже одно значеніе луны и ея фазъ въ циклѣ священныхъ временъ у Евреевъ, а также и прямыя библейскія свидѣтельства этого рода, Таково, напр. предостереженіе кн. Второзаконія: „да не когда воззрѣвъ на небо, и видѣвъ солнце и луну и звѣзды и всю красоту небесную, прельстився поклонишися имъ“ (IV, 19). Или еще обличеніе порокомъ царя Манассіи, который „сотвори олтарь всеи силѣ небеснѣй на дву дворѣхъ дому Господня: и провождаше сыны своя чрезъ огонь и вражаше и волшвенія творяше“ (Ц. VI, 6)¹⁾.

Наконецъ, древнимъ евреямъ, повидимому извѣстны были и различныя виды *некромантіи*, т. е. гаданіе по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ и вызываніе духовъ умершихъ людей. Самымъ сильнымъ и характернымъ свидѣтельствомъ этого рода служить извѣстный рассказъ Библии о посѣщеніи Сауломъ Аендорской волшебницы и объ его бесѣдѣ съ духомъ умершаго пр. Самуила (I Цар. XXVIII гл.). Гаданія

¹⁾ Интересныя подробности и аналогіи этого вида гаданій можно читать въ статьѣ проф. С. Лесоцкаго. „Гаданія древнихъ ассиро-вавилонянъ“ Тр. Кіев. Д. Ак. 1901 г. 2 кн.

этого типа обозначаются специальнымъ библ. терминомъ זֵכַר или זֵכַר לְשׂוֹן , заключающимъ въ себѣ, по объясненію Кнобеля, указаніе на дѣйствіе враждебной силы злаго духа. Причемъ почти всегда эти два термина соединяются съ третьимъ זָכָר , означаящимъ человѣка „мудраго“, опытнаго волхва, изучившаго это искусство во всѣхъ его тонкостяхъ.

Такимъ образомъ, заключаетъ Маубаумъ въ средѣ народа Божія на первыхъ порахъ его исторіи широко практиковались всѣ извѣстные виды языческой магии. Какъ на типичный общій сводъ ихъ, онъ смотритъ на мѣсто изъ кн. Второзаконія, въ которомъ говорится: „да не обрящется въ тебѣ очищаяй сына своего и дщерь свою огнемъ, волхвуя волхваніемъ и чаруяй и птицеволшебствуяй. Чародѣй, обавая обаваніемъ, утробоволхвуяй, и знаменосмотритель и вопрошаяй мертвыхъ“ (XVIII, 10—11).

Реформаторомъ древне-израильскаго профетизма, разорвавшимъ его союзъ съ языческой магией и направившимъ его по пути монотеистическаго ягвеизма, былъ пр. Самуиль. Дѣятельность его самого, а также его великихъ преемниковъ Іліи, Елисея и пророковъ писателей, радикально переродили не только самъ профетизмъ, но и всю религію Израиля, очистивъ ее отъ политеизма и поднявъ на высоту этического монотеизма.

Однако такой религіозный подъемъ не былъ ни всеобщимъ, ни достаточно устойчивымъ. Съ эпохи раздѣленія царствъ мы снова замѣчаемъ возвратъ къ простымъ религіознымъ формамъ и реставрацію древняго монотеистическаго профетизма въ самыхъ разнообразныхъ его видахъ. Правда и эта реставрація не была полной: пророки новаго типа остались вѣрны ягвеизму и беспощадно громили начавшійся возвратъ къ „мерзостямъ язычества“. Но они особеннаго успѣха не имѣли и только все болѣе и болѣе увеличивали уголъ расхожденія между собою и остальнымъ народомъ, во главѣ съ его царями, священниками и т. н. „ложными пророками“.

Что касается этихъ послѣднихъ, т. е. такъ называемыхъ „ложныхъ пророковъ“, то точка зрѣнія на нихъ Маубаумъ а особенно оригинальна и интересна. Онъ считаетъ ихъ не „ложными“, а самыми истинными и самыми чистыми выразителями древняго пророческаго типа. Съ этой точки зрѣнія, онъ готовъ скорѣй признать ложными нашихъ истинныхъ

пророковъ, потому что именно, они, какъ реформаторы и пророки новаго духа, сошли будто-бы съ своего традиціоннаго пути, измѣнивъ ему. А, такъ называемые, „ложные пророки“ остались вѣрны своей исторической древности и могутъ служить нагляднымъ доказательствомъ живой, раннѣйшей связи библейскаго профетизма съ древне-языческой мантикой.

Такова, въ главныхъ ея чертахъ оригинальная теорія Маубаума по вопросу объ исторической эволюціи библейскаго профетизма. Изъ всѣхъ рационалистическихъ теорій—она наиболѣе подробно развита и лучше другихъ аргументирована.

Правда, и она въ сущности, тенденціозна, построена на эволюціонномъ фундаментѣ и по эволюціонному шаблону. Но серьезное преимущество ея передъ другими, аналогичными теоріями, состоитъ въ томъ, что она пользуется библейскимъ-же матеріаломъ, а не заимствуетъ его со стороны, изъ чуждыхъ Библии областей, какъ это обычно дѣлается почти во всѣхъ эволюціонныхъ построеніяхъ. Вотъ, именно, въ этомъ-то и заключается главная сила и главная опасность теоріи Маубаум'а. Она пробиваетъ серьезную брешь въ традиціонномъ представленіи о библейскомъ профетизмѣ, которая требуетъ внимательной и тщательной задѣлки, къ чѣму мы теперь и перейдемъ.

А. Покровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).
